

ИКАР 2471

АТАКАМА

Артур Кирюхин

Икар 2471. Атакама

<https://litres.ru/74050484>

SelfPub; 2026

Аннотация

В ледяном и мёртвом высокогорье чилийской пустыни Атакама обсерватория Паранал ловит сигнал из бездны — идеальную ДНК человека с пометкой «Ожидание».

Женева экстренно вводит карантин и изолирует комплекс. Астрофизик Елена Руис и прибывшая спецгруппа Комитета оказываются заперты в Атакаме один на один с неизвестностью.

Они пытаются защититься от угрозы, не зная, что роковая ошибка, совершённая в запертой комнате, заставит человечество построить 11-километровый военный ковчег для войны с глубоким космосом.

Артур Кирюхин

Икар 2471. Атакама

Глава 1. Высота 2635

До того как первый одиннадцатикилометровый титано-иридиевый шпангоут судна UN-SS-01 был отлит в условиях нулевой гравитации на автоматизированных орбитальных верфях Луны, человечество уже тридцать лет жило в состоянии глухого, серого и абсолютно безвыходного ожидания. Межзвездная программа Технократического Совета не родилась из романтической жажды открытий, наивного научного любопытства или идеализма писателей-фантастов XX века, веривших в мирное освоение галактики. Она была рождена чистым, рафинированным страхом. Концентрированным, сухим ужасом биологического вида, который внезапно, посреди очередного витка глобального кризиса, осознал физические границы своей тюрьмы.

Земля больше не напоминала живую колыбель цивилизации. Скорее, она походила на старый, выработанный до самого ядра промышленный карьер, опутанный километровыми нитями геоинженерных куполов, армированных углеволоконными сетками, и бесконечными магистралями снабжения подземных мега-хабов. Океаны, некогда покрывавшие большую часть планеты, отступили, оставив после себя безжизненные соляные кратеры, серые каньоны выжжен-

ного дна и ядовитые лиманы, испарявшие тяжелые металлы в плотный, застоявшийся воздух. Верхние слои атмосферы, окончательно разрушенные фреоновыми выбросами и термоядерными ударами эпохи Последнего Ресурсного Разлома, больше не задерживали радиацию. Дневной солнечный свет стал смертельным врагом для всего живого: прямой ультрафиолетовый поток выжигал незащищенную кожу за часы, превращая ее в обугленные лохмотья.

Человечество ушло вниз. Мировые столицы — Женева, Цюрих, Новый Шанхай — превратились в гигантские вертикальные муравейники, вгрызавшиеся в земную кору на глубину до двенадцати ярусов. Там, в стерильных бетонных сотах, под непрекращающийся, давящий на перепонки гул магистральных систем регенерации воздуха, люди строили новую сухую реальность. Воздух с уровнем кислорода в 21% стал элитарным товаром, который распределялся по талонам Технократического Совета. Чистая, ненасыщенная солями пресная вода — величайшей привилегией высших чинов и ведущих ученых. Человечество вымирало. Вымирало медленно, прагматично, без паники, рассчитывая на квантовых калькуляторах точную дату, когда подземная биосфера окончательно превратится в замкнутый шлак, а ресурсные фильтры выработают свой ресурс.

Проект «Икар» планировался Советом как грандиозная, финальная психологическая точка в этой затянувшейся хронике глобального угасания. Наднациональному правитель-

ству Женева позарез нужен был символ. Монументальная, осязаемая машина, способная пробить ледяную стену межзвездного вакуума и доказать миллиардам людей, запертых в сырых бетонных норах нижних ярусов, что у них есть выход. Что их страдания на урановых рудниках Луны и астероидных шахтах Пояса не напрасны.

Чертежи ковчега переписывались и пересчитывались трижды, отражая нарастающую паранойю Совета. В 2461 году это должен был быть легкий, беспилотный разведывательный зонд, оснащенный лазерными ретрансляторами. В 2465-м, после первых Сумеречных бунтов в Шанхае, проект расширили до неповоротливого, мирного транспорта снабжения с миллионами замороженных человеческих эмбрионов на борту. Но к 2470 году, по мере того как климатический кризис начал разрушать очистные системы подземного Цюриха, доктрину пересмотрели окончательно.

Корабль должен был стать левиафаном. Сверхтяжелым, бронированным щитом из обедненного урана, способным не просто долететь до звезд, но и уничтожить любого, кто встанет на пути у остатков земной цивилизации. Десятилетиями лучшие системные инженеры, биологи и тактики Женева рассчитывали сложнейший баланс системы жизнеобеспечения, спорили о расходе антивещества, проектировали замкнутые гидропонные палубы тринадцатого отсека и тренировали экипажи-смертники, которые должны были сменяться в пути четыре раза за двести лет автономного полета. Но

вся эта колоссальная техногенная машина, весь этот титанический триумф человеческой мысли стоимостью в четыре триллиона акров, будущей мировой валюты — восемьдесят четыре процента всего валового продукта Земли, ждал одного. Импульса. Четкой, неоспоримой точки на карте звездного неба, которая оправдала бы этот безумный, отчаянный прыжок в ничто, и эта точка была поставлена здесь. В месте, которое на всей планете меньше всего напоминало человеческий дом.

Высокогорный астрофизический комплекс «Паранал» застыл на вершине чилийской скалы Серро-Паранал, словно выброшенный на берег доисторический кит из стали, титана и темного композита. На высоте 2635 метров над уровнем моря вселенной было абсолютно плевать на человеческие амбиции. Здесь не существовало жизни. На сотни километров вокруг расстилалась Атакама — самая сухая, бесплодная и жестокая соляная пустыня планеты, где дождь считался древним мифом, а выжженная, покрытая коркой нитратов земля трескалась от жажды, напоминая каньоны мертвого Марса. Атмосферное давление на этой высоте было пониженным, а воздух — настолько разреженным и сухим, что каждый глубокий вдох отзывался в легких резким, царапающим холодом, от которого пересыхали губы и слизистая носа.

Элена Руис сидела в главном командном куполе телескопа «Нэшвилл», подперев кулаком тяжелую, гудящую от усталости

сти голову. Часы на настенном электронном терминале, синхронизированном с центральным хабом Женевы, бесстрастно показывали 03:14 ночи.

В куполе было темно. Согласно регламенту световой маскировки, призванному исключить любые внутренние блики на линзах, весь свет шел только от мониторов. Единственным источником освещения служили мертвенно-зеленые, фиолетовые и бледно-синие сполохи трех огромных жидкокристаллических панелей, на которых лениво, бесконечными простынями обновлялись столбцы квантовых телеметрий. Елена медленно протянула руку, нащупала на краю пульта тяжелую керамическую кружку с отбитой ручкой и сделала большой глоток.

Кофе давно остыл, превратившись в горькую, вяжущую дегтярную жижу, сильно отдающую озоном от перегретых плат терминала. На языке мгновенно остался характерный, вяжущий металлический привкус — побочный эффект концентрированного лития, который она принимала в капсулах последние три месяца, чтобы заглушить тупую, ноющую бессонницу и вечный страх замкнутых пространств.

За огромным панорамным стеклом купола, сделанным из тройного бронированного кварца, расстилалась южная ночь — иссиня-черная, ледяная, пронзительная до тошноты. Звезды не мерцали. Из-за полного отсутствия влаги и пыли в разреженном воздухе Атакамы они висели в пустоте как острые, абсолютно неподвижные иглы, пробивающие лобо-

вое стекло обсерватории. Этот статичный, мертвый пейзаж вызывал у Элены приступы космического головокружения. Ей казалось, что обсерватория — это не здание на Земле, а маленький обитаемый модуль, заброшенный на окраину галактики.

Пол под ногами Элены едва заметно, но непрерывно, ритмично вибрировал. Так работал массивный гидравлический привод главного восьмиметрового зеркала телескопа «Нэшвилл», компенсирующий вращение планеты. Этот звук — низкий, давящий, утробный гул на частоте 14 Герц — за пять лет ее бессменной вахты в пустыне стал для неё осязаемым. Он въелся в бетонные стены, в шерстяную ткань ее рабочего комбинезона, в ее собственные кости. Элене иногда казалось, что если прижать ухо к ее груди, вместо нормального человеческого сердца там будет стучать точно такой же тяжелый, холодный гидравлический поршень.

Она перевела воспаленный взгляд на центральный экран. Телескоп уже шестой час вел калибровку и спектральный анализ по сектору ультрахолодного красного карлика TRAPPIST-1, расположенного в сорока световых годах от Земли. Все было как обычно. Скучный, привычный фоновый шум угасающей, старой звезды, миллионы раз описанный в астрономических каталогах. Компьютер лениво фиксировал космические помехи, всплески реликтового излучения и хвосты водородных облаков. Рутинная. Бессмысленная, автоматическая фиксация пустоты.

Вдруг гул гидравлики под полом на долю секунды изменил свою тональность. Высокий стальной стык под потолком купола коротко, пронзительно скрипнул, словно корабль наткнулся на невидимую рифовую преграду.

Элена нахмурилась, резко отставив кружку с недопитым кофе в сторону. Зеленые столбцы цифр на правом мониторе внезапно замерли, превратившись в сплошные статические линии. Строчки кода не просто остановились — они начали стремительно бледнеть, а затем и вовсе исчезать с экрана, словно операционная система «Кроноса» в панике стирала собственную оперативную память, не справляясь со входящей нагрузкой.

— Да ладно... глюк матрицы? — хрипло, сорванным от сухого воздуха голосом выдохнула Элена в пустоту пустой рубки. Ее пальцы, затянутые в черные шерстяные митенки со срезанными напальчниками, быстро пробежались по сенсорной панели управления. — Кронос, отмена очистки буфера. Блокировать навигационные фильтры. Повторный запрос по частоте 1420 Мегагерц. Линия Водорода.

Интерфейс суперкомпьютера вместо выполнения команды выдал короткий, резкий, пугающий писк системной ошибки. На центральном экране, полностью перечеркивая все научные графики и таблицы, загорелась огромная фиолетовая плашка, мигающая в такт аварийной сирене:

КРИТИЧЕСКОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ. ПЕРЕГРУЗКА. ПРЕВЫШЕН ПОТОК ДАННЫХ.

— Что ты туда поймал?... — Елена подалась вперед, почти упираясь кончиком носа в матовое стекло центрального экрана. Ее зрачки расширились.

Зеркало телескопа больше не ловило космический мусор. Из динамиков пульта связи, вместо привычного, усыпляющего белого шипения звездного ветра, прорвался совершенно новый, чужеродный звук. Это был монотонный, ритмичный, механический ультразвуковой треск. Он не имел ничего общего с хаотичными радиовсплесками космоса. Он напоминал сухой, яростный шелест миллиардов жестких насекомых или работу древнего телеграфного аппарата, который бешено, без остановок вколачивал точки и тире прямо в барабанные перепонки Элены. Звук был структурирован. В нем чувствовался синтаксис. Логика. Математический такт.

Компьютер «Кронос» захлебывался потоком информации. Символы на экране начали перестраиваться сами по себе, игнорируя команды с пульта. Из хаотичного набора фиолетовых двоичных цифр на центральном голографическом проекторе мостика начала медленно, слой за слоем, собираться трехмерная модель. Фиолетовые светящиеся точки выстраивались в сложные, невероятно длинные геометрические нити.

Элена затаила дыхание, намертво вцепившись пальцами в край пластикового стола. Литий в ее крови больше не удерживал пульс — сердце сделало дикий, яростный удар, отозвавшийся тяжелым стуком в висках и мгновенно пересох-

шем горле.

Голограмма росла, заполняя пространство темного купола, вытесняя привычный полумрак. Нити переплелись между собой, закручиваясь в безупречную, идеальную, биологически точную двойную спираль. Квантовый декодер обсерватории закончил обработку первой текстовой метки под моделью, переводя зашифрованные маркеры Сигнала на человеческий язык. На экране вспыхнули четкие, рубленые белые буквы:

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ГЕНОМА: ЧЕЛОВЕК РАЗУМНЫЙ.

СОВПАДЕНИЕ РЕКОМБИНАНТНОЙ СТРУКТУРЫ: 100%.

СТАТУС: АКТИВЕН.

Спираль ДНК Чужих, прилетевшая со стороны холодного красного карлика за сорок световых лет сквозь ледяную бездну вакуума, была точной, абсолютной копией человеческой ДНК. Со всеми нашими мутациями, со всеми болезнями, со всем кодом нашего вида. Но самый настоящий, экзистенциальный кошмар разворачивался чуть ниже.

Завершив построение спирали, голографический проектор выдал вторую модель — идеальную трехмерную карту Солнечной системы. Все планеты были выполнены из тусклых фиолетовых точек. И одна-единственная точка — крупная, пульсирующая, как открытая, кровоточащая рана — горела строго на третьей планете от Солнца. Сигнал Чужих

указывал точные географические координаты Южного полушария Земли. Координаты чилийской пустыни Атакама. Координаты обсерватории «Паранал». То место, где Елена стояла прямо в эту секунду.

В самом низу кода, там, где лингвистический алгоритм «Кроноса» пытался перевести финальный, самый длинный и сложный маркер Чужих, загорелся один, единственный символ. Экран трижды мигнул, очистился, и компьютер выдал финальный, кристально чистый перевод:

ПЕРЕВОД СООБЩЕНИЯ: ОЖИДАНИЕ.

Элена медленно, покачиваясь, поднялась с кресла. Ее ноги были абсолютно ватными, словно из них вынули кости. Рабочий комбинезон казался ледяным саваном, прилипшим к телу от холодного пота. Гул гидравлики телескопа смолк — автоматика завершила фиксацию пакета, заблокировала зеркало и замерла в режиме ожидания дальнейших команд.

В наступившей мертвой, звенящей и страшной тишине купола этот фиолетовый свет от ДНК Чужих падал на ее бледное, осунувшееся лицо, окрашивая металлические стены обсерватории в зловещий, удушающий цвет космической бездны. Она была совершенно одна на высоте двух с половиной километров. Вокруг на сотни миль была только пустая соляная пустыня. Элена Руис поняла: космос не пуст. Космос прямо сейчас смотрит на нее через этот экран. И он ждёт чего-то.

Глава 2. Карантин

Спустя четырнадцать часов после того, как фиолетовое свечение чужеродной ДНК впервые озарило купол «Нэшвилла», небо над Атакамой разорвалось механическим, удушливым рёвом. Высокогорная тишина, веками принадлежавшая лишь соляным ветрам и мертвому камню, была уничтожена тяжелыми винтами военно-транспортного вертолета «Морж-7». Тяжелая, бронированная туша машины, выкрашенная в матово-черный кобальтовый цвет Технократического Совета, грузно осела на бетонную вертолетную площадку комплекса «Паранал». Отчаянный, яростный поток воздуха от лопастей швырнул в кварцевые иллюминаторы обсерватории пригоршни едкой нитратной пыли. Двигатели еще только сбавляли обороты, испуская в сухой разреженный воздух сизые, пахнущие керосином клубы гари, а гидравлический пандус машины уже с лязгом рухнул на бетон.

Элена Руис стояла в стеклянном переходе между жилым блоком и главным командным куполом. Её пальцы, до крови искусанные за эту бесконечную, сумасшедшую ночь, судорожно сжимали холодный пластиковый поручень. Литий в крови больше не работал. Её зрачки были расширены, а в ушах всё еще стоял тот монотонный, ритмичный ультразвуковой треск Сигнала, который она час назад принудительно заглушила в динамиках пульта, чтобы не сойти с ума до приезда комиссии.

Из открытого чрева вертолета на раскаленный бетон пло-

щадки тяжело сошли четверо.

Впереди всех, почти не сгибаясь под порывами ветра, шел мужчина в строгом, наглухо застегнутом черном мундире тактической службы Совета. Шаги тяжелые, чеканные, армейские. Чуть позади него, семеня и постоянно вытирая лысеющий лоб белым платком, семенил директор Роберт Кросс. За ними следовала женщина в безупречно чистом, белом медицинском плаще, которая шла с такой ледяной, прямой осанкой, словно находилась не на вершине дикой чилийской скалы, а на консилиуме в Женеве. Замыкал процессию высокий, сутулый парень, который обеими руками прижимал к груди тяжелый, облепленный кабелями кейс портативного квантового терминала. Он постоянно спотыкался, оглядываясь на мертвые скалы Атакамы и нервно дергал плечом.

Через три минуты тяжелая гермодверь шлюза обсерватории со свистом отъехала в сторону. В стерильный, пахнущий озоном воздух комплекса ворвался тяжелый, приторный запах вертолетного выхлопа и раскаленного камня.

— Руис!... Элена!... Ради бога, скажи, что это ошибка оборудования! — директор Роберт Кросс буквально влетел в шлюз, едва не сбив Элену с ног. Его лицо было багровым от быстрой ходьбы в разреженном воздухе, на шее проступили вены. — Ты понимаешь, что ты устроила?! Женева подняла по тревоге весь Южный оборонный сектор! Квантовые каналы связи заблокированы лично Ван де Бергом! Скажи мне! Ну?

— Заткнись, Роберт. Хватит тараторить, в ушах звенит, — хрипло, на самой нижней ноте оборвал директора седовласый мужчина в мундире.

Генерал Торрес сделал шаг вперед, и Кросс мгновенно замолчал, втянув голову в плечи и судорожно сменяя платок в ладони. Торрес остановился в полуметре от Элены. От него пахло старым табаком, дешевым армейским антисептиком и тяжелой, застоявшейся кожей военного кителя. Его тяжелый, свинцовый взгляд обветренных глаз вьелся в лицо девушки. Он медленно снял черную фуражку с кокардой Совета, обнажив короткий, жесткий седой «ёжик» волос, и аккуратно зажал её под локтем левой руки, на кисти которой уродливо не хватало двух пальцев.

— Доктор Руис, — голос Торреса был низким, сухим, как треснувший на солнце камень. Каждое слово он вколачивал отдельно, не глотая окончания. — Я, генерал тактической службы, Торрес. С этой секунды данный комплекс, вся прилегающая территория в радиусе ста пятидесяти километров и все находящиеся здесь носители информации переходят под личное управление Оборонного Комитета Женева.

— Вы не имеете права... — Елена сделала шаг назад, её голос сорвался на писк. — Это гражданская обсерватория ЕКА. Это научное открытие, оно принадлежит...

— Права? — Торрес коротко, страшно ухмыльнулся одной стороной рта. Его правая рука, затянутая в кожаную перчатку, спокойно легла на тяжелую кобуру пистолета, висев-

шую на широком ремне. — Доктор Руис, когда из глубокого космоса прилетает чертеж человека с точными координатами места, где мы сейчас стоим, понятие «гражданское право» аннулируется. Новак! Тащи сюда коробку, живее.

Высокий, бледный парень с кейсом дернулся, едва не выронив терминал. Очки в толстой пластиковой оправе съехали на кончик его носа. Он судорожно поправил их локтем, заикаясь и глотая слова от стимуляторов, которые он принимал, жертвуя своим здоровьем ради положительного результата работы Комитета:

— Да, генерал... Я... Кронос готов к сопряжению. Э-элена, мне нужны прямые... прямые логи буфера. Без... фильтрации Совета. Понимаете? Код... код сыплется слоями, там... там триллионы терабайт в секунду, у меня... — Новак замолчал, шумно втянул носом разреженный воздух и начал лихорадочно оглядываться по сторонам, словно искал, куда поставить кейс.

— Успокойтесь, Новак. Дышите глубже, здесь мало кислорода, вы загоните себе сердце, — тихо, леденящим, профессионально ровным тоном произнесла женщина в белом плаще.

Доктор Фогель сделала шаг вперед, извлекая из кармана титановый медицинский планшет. Её глаза за стеклами очков в тонкой оправе были абсолютно неподвижными, изучающими. Она посмотрела на Элену так, словно видела перед собой не ученого, а сложный биохимический субстрат, у ко-

торого вот-вот начнется неконтролируемый выброс кортизола.

— Руис, я доктор Фогель, глава ксенопсихологического контроля, — Фогель сделала быструю пометку стилусом на экране. — Мы здесь не для того, чтобы отбирать у вас славу. Мы здесь для того, чтобы этот комплекс не превратился в братскую могилу до того, как мы поймем, с чем имеем дело. Полагаю, вы не спали более тридцати часов? Ваша мимика нестабильна. Литий?

— Какая разница? — Елена зло сплюнула, чувствуя, как внутри закипает глухая, яростная обида. — Пойдемте на мостик. Сами всё увидите.

Она развернулась и быстрыми, рваными шагами пошла по металлическому коридору. Вся процессия двинулась за ней. Роберт Кросс семенил рядом с Торресом, заглядывая генералу в лицо и тараторя, пытаясь спасти свое шаткое положение:

— Генерал Торрес, уверяю вас, комплекс Паранал всегда функционировал в строгом соответствии с уставом Совета! Никаких утечек! Персонал... ну, персонал у нас специфический, астрономы, понимаете, одиночество, высота... Но Елена — она лучший специалист! Если она говорит, что Сигнал чистый, значит...

— Кросс, закройся — не оборачиваясь, бросил Торрес. Его тяжелые армейские ботинки грохотали по стальной решетке пола. — Лучше скажи, почему у тебя на внешнем кон-

туре до сих пор горят гражданские маяки?

— Так ведь... автоматика, генерал! Перенастройка требует времени, коды доступа из Женевы...

— Новак! — Торрес остановился на пороге командного купола. — Протокол «Карантин». Полное глушение.

— С-сейчас... секунду... — Новак с размаху опустил кейс на центральный пульт, едва не раздавив кружку Элены с остывшим кофе. Его длинные пальцы пианиста бешено застучали по квантовой клавиатуре. — Отключаю... отключаю спутниковые шлюзы ЕКА. Блокирую... магистрали «Глобуса». Орбитальные ретрансляторы... всё, ушли в оффлайн. Мы... мы отрезаны, генерал. Полностью.

По всему периметру обсерватории с тяжелым, металлическим скрежетом поползли вниз массивные противорадиационные титановые жалюзи. Они медленно перекрыли огромные кварцевые окна, отрезая мостик от ледяной, звездной ночи Атакамы. В куполе на секунду наступила крошечная тьма, а затем с тихим писком включилось внутреннее, искусственное аварийное освещение — тусклое, фиолетово-зеленое, заставившее лица людей выглядеть мертвенно-бледными, синюшными масками.

— Отлично, — Торрес подошел к центральному проектору, где всё еще медленно, лениво вращалась гигантская фиолетовая спираль человеческой ДНК с пульсирующей точкой на планете Земля. Военный долго, молча смотрел на этот код. Его левая рука без двух пальцев медленно сжалась в ку-

лак. — Ну и что это, по-вашему, доктор Руис? Мирное послание от братьев по разуму?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.